

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Булгутовой Ирины Владимировны «Мифопоэтика в контексте становления и развития бурятской литературы второй половины XX-начала XXI веков», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10. 01. 02 – литература народов Российской Федерации (литература народов Северного Кавказа, Калмыкии, Урала, Поволжья, Карелии, Севера, Сибири и Дальнего Востока).

Проблемная ситуация, в которой оказалось современное глобализирующееся и модернизирующееся общество, с особой отчетливостью показывает первостепенную актуальность вопросов, связанных с сохранением общероссийской социокультурной идентичности, складывающейся из множества «дочерних идентичностей», столь удачно отмеченных на титульном листе рецензируемой диссертации – Северный Кавказ, Калмыкия, Урал, Поволжье, Карелия, Север, Сибирь, Дальний Восток.

Недаром современные политики вопрос сохранения идентичности по своей витальной значимости ставят в один логический ряд с вопросами государственной безопасности страны. Сюда же следует добавить академическое завещание философа, культуролога и литературоведа Г.Д. Гачева о необходимости сберечь для потомков тот самый великолепный «оркестр» человечества, где каждый народ играет на своем, строго определенном музыкальном инструменте, где скрипку не сможет заменить гобой или контрабас.

В полном соответствии с этими социальными вызовами и гачевским ходом мыслей написана диссертационная работа Ирины Владимировны Булгутовой «Мифопоэтика в контексте становления бурятской литературы второй половины XX – начала XXI веков». Актуальность данного исследования вызвана необходимостью новейшей бурятской художественной словесностью (и литературоведами) идентифицировать и научно осмыслить собственные исторические корни, измерить культуротворческий потенциал и

пассионарную силу древнейших мифопоэтических матриц, способных (или не способных) по-прежнему «заквашивать» художественные тексты.

Несколько слов о специфике диссертации. Дело в том, что «мифологическая колыбель» без исключения имеется в наличии у каждого народа на земле. При этом, однако, все определяет дистанция или степень отчужденности современной художественной культуры от породивших ее мифопоэтических первокирпичиков. В этом отношении бурятскую (сибирскую) национальную культуру можно по праву причислить к разряду «сильномифогенных». На самом деле, вряд ли найдется на «планете людей» другой такой народ, чья социальная, коммуникативная, культурная, духовная самореализация до сих пор на практике осуществляется посредством мифологических представлений, шаманских ритуальных мизансцен, которые находятся на расстоянии вытянутой руки. Это все равно, что динозавры давно вымерли, но сегодня у кого-то они пасутся в огороде. Другая специфическая особенность исследуемого И.В. Булгутовой мифологического материала – его тесная переплетенность с буддийскими религиозными верованиями, которые, бесспорно, вносят определенные коррективы в общую картину мифологических представлений бурятов.

Вычлнять из столь разнородного, «шевелиющегося» материала нерастворяющиеся во времени мифологемы, архетипы и прослеживать их трансисторический и транскультурный путь со всеми возможными преломлениями в других художественных мирах – задача не из легких. Здесь во многом гарантом научно-исследовательского успеха стало умение Ирины Владимировны системно мыслить с привлечением к литературоведению гносеологических возможностей и многих других смежных дисциплин – фольклористики, этнографии, лингвистики, психологии, педагогики, археологии, философии, социологии. К чести для исследовательницы, она свободно оперирует категориями названных наук. Но еще более действенным методологическим подспорьем в результативности выполненной работы стал тот факт, что Ирина Владимировна является

этнофором, то есть ученым, волею судьбы помещенным в эпицентр исследуемой этнокультуры, на когнитивном и научном уровнях знающим изнутри все нюансы исследуемой этнокультуры.

В теоретических предпосылках к исследованию соискательница рассматривает степень изученности параллели «миф – литература» в мировой гуманитаристике. Здесь в сжатой форме дается взвешенная, объективная оценка трудам многочисленных отечественных и зарубежных специалистов - О.М. Фрейденберг, И.Г. Франк-Каменецкого, Е.М. Мелетинского, А.Ф. Лосева, Дж. Фрэзера, К.Юнга, В.Я. Проппа, В.Н. Топорова, Ю.М. Лотман, В.И. Тюпа, Э. Кассирера и др. Для полноты картины автор диссертации рассматривает сущность мифопоэтики с этнографической, психологической, исторической точек зрения с попутным выявлением поликонцептуальных трактовок и подходов, а так же систематизацией терминов и понятий, необходимых для дальнейшего анализа. Следует отметить, что при работе с источниками, И. В. Булгутова не ограничивается одобрительным цитированием своих предшественников, но умело и методически грамотно развивает высказанные ими мысли в направлении, предусмотренном поисковыми задачами докторской диссертации.

Выражаясь образным языком, диссертант у каждого из изученных авторов берет дискурсивные нити, связующие миф и языкотворчество, которые в результате тщательной рефлексивной работы складываются в единый мощный теоретический «канат», в научную концепцию о том, что мифологизм напрямую связан с процессом языкового моделирования и порождения этнокультурно детерминированной семиотической системы. Солидаризуясь с М.М. Бахтиным, который отметил, что «вся культура расположена на границах», И.В. Булгутова основным местом своего «рабочего пространства» избрала рубеж, пограничье между мифологией и литературным творчеством, отслеживая, фиксируя и трактуя всю конгломерацию прямых, косвенных, опосредованных, канонических,

причудливых «метафорических метаморфоз», возникающих в результате перехода какого-то условного ментального концепта из сферы мифологии в сферу профессиональной литературы.

Деятельность бурятской мифологической школы - так вкратце можно обозначить сущность следующих двух разделов первой главы, где И.В. Булгутова воспроизводит историю сбора, атрибуции, систематизации и научного осмысления многочисленных легенд, преданий, сказок, шаманских поэтических текстов с их внутрижанровыми и диалектными модификациями. Дается развернутая оценка монографиям Н.О. Шаракшиновой «Мифы бурят», Л.С. Дампиловой «Шаманские песнопения бурят: поэтика и символика», С.И. Гармаевой «Типология художественных традиций в прозе Бурятии», Б.Д. Баяртуева «Предыстория литературы бурят-монголов», Э.А. Уланова «Фольклор в контексте бурятского словесного творчества», Т.Б. Баларьевой «Фольклор и современная бурятская проза», Л.В. Бабкиной «Мифопоэтика современной бурятской поэзии», О.А. Забановой «Пространство и время в поэзии Л.Д. Тапхаева», С.Д.-Н. Малзуровой «Мифо-фольклорные истоки прозы народов Сибири и Севера 60-х – 80-х гг. XX века». Как явствует из диссертации, основные достижения бурятской мифологической школы к концу XX столетия сводятся к тому, что 1) были записаны практически все мифологические тексты «под диктовку народа» (В.Г. Белинский); был создан мифологический словарь; произведена научно обоснованная классификация бурятских мифов (космогонические, антропоморфные, матриархальные, волшебные, анимистические).

Вся дальнейшая исследовательская работа И.В. Булгутовой, при всех дисциплинирующих заголовках последующих глав и разделов, посвящена изучению и измерению индекса мифогенности бурятской художественной литературы. Автора более всего интересует сила соединительного союза «и» в связке «миф и литература» с определением всех возможных корреляций между этими двумя системами (прямая связь, аллюзия, переключка, оппозиция). В этом отношении большой научный интерес представляют

«нейролингвистические» рассуждения соискательницы о двух принципиально разных типах мифомышления - у «художника-почвенника» и билингва. Первый случай Ирина Владимировна определяет как первородное бессознательное мифологизирование, поскольку носитель языка изначально мыслит мифологемами, которые и есть живые операторы языка. Ему практически и изобретать ничего не нужно – все есть в ресурсах родного языка, более того, в его распоряжении синестезийные образы, представляющие собой «сплетение проводов слуха, обоняния, осязания, вкуса, зрения» (с. 61-62). В качестве «заметки на полях» отметим особую ценность анализа в работе ольфакторных образов. По справедливому замечанию И.В. Булгутовой, совсем иное – сознательное мифологизирование, присущее русскоязычным бурятским художникам, которые сильны индивидуально-авторскими исканиями, эстетизацией мифологем и архетипов, а также литературными играми, направленными на высвечивание каких-то тонких семантических граней у канонических мифосюжетов.

Как показывает исследовательница, на первоначальном этапе мифология неотделима от онтологии народной жизни, мышления «детей природы». Мифология заменяет все образовательные предметы от астрономии до биологии, она разлита по всей одомашненной территории степняков в виде «говорящих» ойконимов, оронимов, гидронимов, антропонимов, календарно-бытовых, обрядовых текстов. В полном соответствии с теорией Г.Д. Гачева «Космо-Психо-Логос», исследовательница подчеркивает особый статус и самую высокую частотность зоонимических мифосюжетов в бурятском художественном сознании из-за житейской и эмоциональной приближенности представителей скотоводческого народа к представителям животного мира. Сказанное в работе проиллюстрировано уникальными анималистическими текстами «Песня коня», «Песня собаки», «Песня волка», «Песня коровы» и т.д.

Во второй главе, которая называется «Миф и эпический сюжет в бурятской литературе», И.В. Булгутова исследует степень пластичности и «податливости» мифологического инструментария для фиксации событий, значимых в национальной истории Бурятии. Следует сказать, что вся глава на самом деле является полем пересечения истории с онтологией, как об этом заявляет автор в самом начале, подчеркивая, что «мифическое сознание дает слова для освещения не только исторических фактов, но всей онтологии народа (с. 64). «Слова» здесь, бесспорно, следует понимать в расширительном смысле, поскольку на самом деле речь идет не только о лексике или художественных образах, но и таких явлениях как «сюжетостроение», «композиция», «дубликация», «ретардация», «циклические и кумулятивные повествовательные схемы», «хронотоп», «архитектоника».

Все эти формы «шефской помощи» мифопоэтики эпической литературе всесторонне рассмотрены на примере исторических романов Ц. Галанова «Мать-лебедица», В. Гармаева «Десятый рабджун», драматических поэм Н.Г. Дамдинова «Шэлдей занги тухай дуун», Н.Г. Балдано «Энхэ-улат батор».

Отдельно рассмотрена во второй главе сюжетообразующая функция мифосознания на материале повестей и рассказов Б. Ябжанова с его сказовой манерой повествования. В результате их тонкого литературоведческого анализа (в особенности, рассказа «Камень, брошенный вверх») вскрываются и описываются такие специфические явления как конфликт между травоядными и хищниками, буддийские идеи кармической предопределенности судьбы человека его поступками, тотемические воззрения персонажей, тяготение автора к притчевой иносказательности.

Бесспорно, самое уникальное место во всем «сибирском гипертексте» занимает шаманская тематика, которая также нашла свое полноценное отражение в рецензируемой диссертации. Самое главное, И.В. Булгутова показала, что шаманистские верования – не досадный анахронизм (как в свое

время отмечалось советскими идеологами), а «древнейший мировоззренческий комплекс», продуцирующий новые культурные смыслы. Автором собран целый «шаманский цикл», состоящий из разножанровых художественных текстов (драма Б. Барадина «Великая сестра-шаманка», романы А. Бальбурова «Поющие стрелы», А. Гатапова «Тэмуджин», В. Гармаева «Копачи», В. Бараева «Улигер о детстве и др.), каждый из которых представляет собой оригинальную форму воплощения мифопоэтических воззрений, связанных с онейрическими мотивами, мотивами оборотничества, предметными письмами, национальными традициями исчисления пространства и времени, символикой предметного мира. Автором подробно проанализированы мифологемы «родовая река», «тропы предков», «черная оспа», «туес с арзой», истолковано значение разных названий луны, и отмечены даже такие тонкости, как «особое плодородие почвы из-под кругов, оставшихся на месте шаманских юрт» (с. 160).

Третья глава диссертации «Мифопоэтические традиции бурятской поэзии» представляет собой синхронический срез всего современного поэтического искусства Бурятии на предмет выявления ключевых этнокультурно обусловленных мифологем. Автором фактически скроено единое художественное полотно из поэтических текстов Л. Тапхаева, Д. Улзытуева, Ж. Юбухаева, Б. Сиренова, Г. Раднаевой, Р. Шоймарданова, Д.-Р. Дамбаева, Н. Нимбуева. Весь этот разнородный материал, осложненный религиозными, направленческими, поколенческими, мировоззренческими, урбанистическими, глобалистическими факторами, И.В. Булгутова пропускает через «сито» мифоонтологической поэтики для определения устойчивости архаических первообразов и их способности адаптироваться к реалиям XXI века. Для полноты диагностики исследуются такие составляющие мифопоэтики как хронотоп (ночной или дневной), архитектоника, символика цвета, метафора, эпитет, повтор, сенсорные, кинетические и фактурные образы, номинология, нумерология, аллитерация, антитеза, избирательность стихотворных размеров.

Как показывает исследовательница, после столь многослойного контроля в «сухом остатке» остаются такие мифологические кодировки, как «единосущность биоритмов природы и человека», «изоморфизм человека и планетарного устройства», «сопоставление космических явлений с предметами обихода», «доминанта зооморфных образов», «экологичность сознания», «идея вечного круга», «культ Учителя», «круг кармических предопределений», «мотив перерождения души», «неразделенность субъекта и объекта», «динамический путь кочевника», которые в совокупности составляют суть духовных исканий современного бурята.

Среди новаторских черт автор называет: увязывание религиозных мифообразов с научной картиной мира; тенденцию к отказу от объемных литературных жанров в пользу краткости; тему конфликта между степью и техногенной цивилизацией; творческое освоение инокультурных поэтических жанров (верлибр, танка, хокку); литературную игру с мифопоэтическими константами. Яркий тому пример - бурятская пословица «В сердце мужчины поместится оседланный конь», в ироническом ключе обыгранная Н. Нимбуевым (с. 304).

Судя по оригинальному и научно обоснованному умозаключению исследовательницы, бурятская мифология благополучно проходит «испытание влияниями» (с. 283), а всякое инокультурное «влияние проходит через фильтры местной традиции» (с. 299). Другими словами, и на современном этапе мифологические воззрения и традиционные ценности продолжают «не допускать хаоса» и исполнять роль навигатора художественного сознания в бурятском этнокультурном пространстве.

Среди примечательных особенностей и достоинств диссертационного исследования хотелось бы отметить еще несколько пунктов:

а) постоянно проводимые интертекстуальные параллели «сибирских текстов» с типологически сходными явлениями в мировой культуре (Гомер, О. Хайям, Габриэль Гарсиа Маркес, Ф. Купер, У. Уитмен, Рильке, Аполлинер, Экзюпери, Л.Н. Толстой, М.Ю. Лермонтов, И. Северянин, В.

Маяковский, Б. Пастернак, Ч. Айтматов и др.), которые подчеркивают общность человеческого мышления и глобализацию духа;

б) практически всегда автор диссертации приводит перевод бурятских экзотизмов и этнографизмов на русском языке, а также разъясняет их этимологию, что очень важно, поскольку в большинстве случаев они являются мифологемами.

в) на протяжении всего исследования соискательница не выпускает из поля зрения женский дискурс текстов, тем самым существенно облегчая труд будущим сибирским исследователям-гендерологам. В особенности это касается блоков, посвященных анализу повестей о героической Бальжан-Хатан и женских образов в творчестве бурятской поэтессы Галины Раднаевой.

г) через всю работу магистральной линией проходит тема экологического просвещения и экологической культуры, выраженная безымянными сказителями, профессиональными литераторами Бурятии и самой исследовательницей. Это имеет важное воспитательное значение.

д) на стр. 274 «черным по белому» написано предложение, которое знаменует концептуальный и конструктивный поворот в решении проблем этнической идентификации писателя и билингвизма: «Творчество русскоязычных поэтов может быть рассмотрено как в контексте русской литературы, так и в бурятской». Это очень ценная мысль, легализующая двуполюсный взгляд на произведения писателей-билингвов в целом.

Критические замечания и рекомендации:

1. В разделах, где автор рассуждает о специфике языкового моделирования в контексте мифопоэтики, необоснованно проигнорирована теория Сепира-Уорфа, которая могла бы вывести автора на интересные рассуждения о когнитивных процессах и принципиальной управляемости сознания человека (условного сибиряка) мифологическими метакодами.

2. Поскольку «ребенок – первобытный человек», в детской поэзии, как в азбуке, максимально крупно и выпукло отражаются особенности

мифологической логики. Именно поэтому, на наш взгляд, было бы целесообразно обратить специальное исследовательское внимание на образцы детской бурятской поэзии.

3. В рецензируемой диссертации четко прослеживается трансисторическое, динамическое движение первоначальных мифологем внутри бурятской литературы со всеми возможными трансформациями и преломлениями. Как предельная эволюционная точка в работе зафиксирована ироническая литературная игра Н. Нимбуева с мифологемой про «коня в сердце мужчины». А дальше? Остается неясным, есть ли в современной бурятской поэзии случаи полной постмодернистской, авангардной деконструкции мифосюжетов? В этом отношении, хотя бы в следующих исследованиях соискательнице рекомендуется рассмотреть постнимбуевское творчество next-поколения.

Следует отметить, что указанные недочеты никоим образом не снижают очевидных достоинств проведенного исследования. Диссертация, несомненно, удалась и состоялась как важный шаг в разработке современной научной истории литературно-мифологических взаимосвязей. Новизна полученных результатов значительна. Впервые столь масштабно рассмотрены все формы мифологических интертекстов в бурятской поэзии, запечатлевшие эволюционный переход от «прямой связи» до «литературной игры» со множеством промежуточных стадий. Разработанная И. В. Булгутовой мифоонтологическая методика анализа художественного текста может успешно использоваться при изучении других национальных литератур РФ фольклористами, литературоведами, этнологами, востоковедами, а также аспирантами, магистрантами и студентами гуманитарных вузов.

Диссертация соответствует пп. 9-14 «Положения о присуждении степеней», утвержденного Постановлением правительства РФ от 24 сентября 2013 г. №842. Опубликованные соискателем научные труды и автореферат практически в основном отражают содержание, теоретические положения и

выводы проведенного исследования. Диссертация Ирины Владимировны Булгутовой «Мифопоэтика в контексте становления и развития бурятской литературы второй половины XX - начала XXI веков» заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.02 – литература народов Российской Федерации (литература народов Северного Кавказа, Калмыкии, Урала, Поволжья, Карелии, Севера, Сибири и Дальнего Востока).

Официальный оппонент
доктор филологических наук,
специальность 10.01.02 – литература народов Российской Федерации
(литература народов Северного Кавказа),
профессор кафедры русской и зарубежной литератур
Кабардино-Балкарского государственного университета
им. Х.М. Бербекова
Кучукова Зухра Ахметовна

З.А. Кучукова

360004 Кабардино-Балкарская Республика,
г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173.

Завершено:

Ученый секретарь КБГУ
И. В. Ахмедов